

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

Я СКАЗАЛА – УДАРЬ рассказ

Шестилетняя восточная красавица Надя часто играла с моими детьми. Они с матерью Таней (Галигой) жили напротив нашей съёмной гостинки на девятом этаже, дверь в дверь. У Нади – нежный румянец на смуглых щеках, сияющие карие очи с тяжёлыми веками и чудесные крупные тёмно-каштановые локоны, от ребёнка не отвести было глаз. Таня спокойно принимала комплименты о красоте дочери:

– Все говорят.

В кого Надя так хороша, Таня не уточняла. Сама она была маленькой, подвижной, с короткими прямыми почти чёрными волосами и с совершенно незапоминающимся лицом. Мужа не наблюдалось, но постоянно приезжали-уезжали шумные деловитые мужчины тюркской внешности, Таня торговала овощами на рынке, эти хлопцы привозили ей туда овощи оптом. Они быстро развернулись, стали нанимать местных русских женщин на торговлю, Таня была у наших девочек вроде бригадира... Ходили слухи, что азербайджанцы быстро вытеснили русских с рынка в нашем немаленьком южном городе, оставив местным только розничную торговлю.

С Таней у меня отношения установились хорошие. Она была измученной загнанной послушной исполнительницей в кругу своих работодателей, жёсткой командиршей над безработными девочками на рынке – а дома вдвоём с ребёнком просто стремилась создать Наде уют и научить её чтению, письму и домашним делам. В их комнате было хорошо и странно, стоял восточный «сундук невесты» с узорами, красивые кувшины и прочие нездешние мелочи. В день рождения Нади Таня и соседей к столу позвала, мы ели что-то вроде открытых пельменей, квадраттики теста с фаршем вперемешку. Вкусно. Было два молодых парня, кто они – бог весть.

Ещё Таня гнала и продавала самогон – запах стоял тогда на весь этаж, система-то коридорная. Но никто не возражал – а что делать матери-одиночке? Девяностые стояли. Провинция выживала, как могла.

Ни она, ни я никогда не впадали в распри или в откровения – не хотелось нам откровенничать друг с другом.

Моя подруга Лена, с которой мы раньше работали программистками на судроверфи, теперь, после банкротства предприятия, торговала овощами на рынке под Таниным руководством. Свежие овощи им привозили в четыре-пять утра, а потом хрупкая Леночка весь день стояла на ногах, тщательно взвешивая и вежливо улыбаясь каждому клиенту. Но вскоре Таня стала её ругать – за то, что не обвешивает покупателей!

– Самая умная, да? Все так делают – и ты делай! Или ты хочешь, чтобы у тебя быстрее раскупили? – грозил, что уволит, обучала разным хитрым способам обвеса...

От этого стояния за прилавком у Лены развился варикоз. На её длинных стройных двадцатитрёхлетних ногах стали выпирать некрасивые бурристые вены... Она отчаянно искала работу несколько лет, а потом уехала в Норильск, работать на «Норникель» и дышать диоксидом серы.

Однажды Талига принесла мне большую пачку денег и попросила спрятать у нас в квартире, она потом заберёт. Мой муж запретил категорически, он лучше меня представлял, в какие времена живём, шёл 1995-й.

Моей Свете тоже тогда было шесть, как и Наде. Младшей, Лене, шёл второй год. Света уже три года как училась в музыкальной школе, весь этаж слушал наше немецкое пианино. Надя с интересом к нему подошла, взглянула на меня вопросительно – я разрешила. Погрохотала по клавишам около двух минут. Света стала ей что-то показывать – но она уже потеряла интерес к инструменту, отвела душу. И ни разу больше к нему не подошла.

Я читала им сказки и детские повести – подбирать старалась такое, чтобы и Света не скучала, и Надя понимала.

А особым аттракционом у нас тогда были диафильмы. Их обожала малышка, да и старшая любила, хотя и помнила наизусть. И с восторгом, когда я стала вешать экран-простыню, Света побежала звать Надю – в предвкушении радости, которую она подарит подруге – Надя диафильмов раньше не видела.

Смотрели мы в тот раз «Сказку о глупом мышонке», к которой неровно дышала Алёнка, – она то подпрыгивала у меня на руках, то бегала к экрану показать пальцем на персонажей – и две шестилетние смеялись над её огромной тенью на простыне.

– Утя! – спойлерила Алёнка, кого ж дальше позовёт мышка-мать.

– Иго-го!

Света радостно подтверждала, что сестричка правильно всё помнит.

Надя глядела на экран торжественно и серьёзно. Рядом с ней нежная блондинка Света казалась очень узкой в плечах, бледной и щуплой, даже кожа её казалась тоньше – в прямом, а не в переносном смысле. Но вела она себя, как взрослая с двумя малышами – Надей и Алёнкой. Надя принимала её первенство, тем более что оно было добрым и ненавязчивым.

На экране появилось слово «конец», Светуля включила свет – ритуал прошёл на славу!

– Всё? Слава бога. – сказала Надя, слезая с дивана. Не поняла она, чем же эта вещь лучше телевизора.

Услышанное по телевизору Надя часто с очень значительной интонацией рассказывала подруге:

– Я всё-таки уговорю маму купить мне маленькую собачку. В доме, где есть кошки или собаки – полтергейста нет. И ещё – я ей когти буду красить. Когти собаки должны быть покрашены в цвет платья хозяйки.

Моя старшая с интересом поддерживала светскую беседу, ей было ново и занимательно в Надином мире.

Мы редко включаем наш телевизор при Свете – с тех пор, как наши войска вошли в Чечню. Мультки разве что, или «В мире животных». «В принципе, несложно быть фламинго» – рассказывает Николай Дроздов. Или – «О неверности самок кошачьих лемуров ходят легенды...». Света слушает очень внимательно.

Летом в нашем городе температура под сорок. Девятый этаж нашего общежития гостиничного типа находится непосредственно под плоской крышей, раскалённой от солнца. В квартирках – как в микроволновке. Жара стоит густая, непобедимая, до десяти вечера. Дома сидеть невозможно. Плавают мысли, цепенеет воля. Все устраивают сквозняк, раскрывают балкон и дверь в коридор – но не тут-то было, Тагиа тоже раскрыла дверь, она варит самогон...

Надо бежать. Собираю своих, забираю Надю и убегаем с детьми на пляж до вечера, точнее, до первых комаров. Я поглощена младшей, старшие – две лучшие подружки, одна покрупнее, с чёрными локонами, у второй голубые радостные глаза с искорками и косы цвета платины. В воде и на песке беззаботно дурачатся весь день, попутно Света учит Надю читать, довольно успешно. А ещё они делали Тане таблички для рынка: «кинза», «петрушка» и так далее.

Сама Светка начала читать в два года десять месяцев, и сейчас она этого просто не помнит. Читает книжку за книжкой. Иногда её удивлённо спрашивают взрослые – когда же ты научилась? И Света отвечает с недоумением:

– Я всегда умела...

...Впоследствии и младшая научится читать к трём годам. Дело не в исключительных способностях, а в том, что я доверилась книгам семьи Никитиных о раннем развитии. А позже, прочтя японскую книжку «После трёх уже поздно», – а Свете было уже три с половиной! – сразу повела её в музыкальную школу. А то, что от такой маленькой ученицы отказались обычные преподаватели – но зато её взяла самая талантливая – это уже закономерность, разве нет?

Обратно с пляжа везу разморенных детей в маршрутке. Напротив светленький паренёк с московским выговором даёт чёткие инструкции по телефону: «Завтра еду в Замоскворечье, в гараж. Приготовь мне шестьдесят справок на морфий. Дома всё убери, чтоб ничего не было. У Паши всех повязали. Куда? В самолёт? Да что ты, в самолёт даже с пластмассовым пистолетом не пустят...».

Что это было?

У автобусной остановки в ларьке традиционно покупаем «жвачку про любовь» – «Love is...».

«Пропустить половину фильма в поисках её туфельки». «Сделать рамку для его детской фотографии». «Говорить, что её имя звучит как музыка». Света коллекционирует эти сентенции.

*

Как-то они прибежали вдвоём ужасно озабоченные, Надя к Тане, Света – ко мне:

– Мама, у тебя есть ненужная кожаная сумка какая-нибудь?

– Зачем? – вопрос лишний, у меня и нужной-то кожаной нет и не предвидится.

– Надо! Чтобы спасти котиков!

И выясняется картина маслом – дети откуда-то узнали, что в городе ведётся отстрел помойных котов. А чтобы не пострадали при этом домашние питомцы, решено стрелять только в тех, на которых нет ошейника от блох.

И дворовый отряд спасателей решил срочно надеть на шею всем котам хоть что-то похожее на ошейник. Дермантиновую сумку для овощей мы распустили на полосы довольно быстро, Надя тоже вернулась с добычей, и они обе умчались к лифту.

Мне эта акция в целом понравилась.

А вот в другой раз вышло хуже.

Светка вернулась со двора поздно, вся какая-то притихшая. Повертев на тарелке котлету, принялась рассказывать.

– Мы играли в свадьбу. В женихов и невест. Даша всех венчала. Было четыре пары.

Ну, норм. Свадьба – это красиво, отчего бы и не войти в роль.

– А тебя за кого выдали?

– Мама, ты не поверишь! За того мальчишку, который мне тогда камнем чуть в глаз не попал!

– Только у нас мальчиков было всего трое, а девочек семь.

Я засмеялась:

– То есть только три пары поженились?

– Нет, остальные девочка с девочкой поженились. Катя с Надей, а Вика с Машей.

– Отлично.

– Да. Только... – Светка отложила вилаку, повернулась на табуретке, подняла коленки и обхватила их руками.

– Что случилось, Светуля?

– Настю еле уговорили «выйти» за Арсена. Она говорила: «я за русского хочу».

... Да уж. Семилетние шовинисты.

– А когда Катя с Надей вышли так на середину парой, Настя сказала – «фу, русская с чёрной!».

И все засмеялись.

Я растерялась.

– Вот прямо все засмеялись?

– Ну, не все сразу. Сначала только Андрей и Настя. Потом Андрей Наде сказал – не хочу, чтобы ты с нами играла. И мы с Надей ушли.

Светка жалобно посмотрела из-под лба:

– Мама, а чего они так, а?

Я увидела, что она *уже* что-то понимает и догадывается о том – отчего они так. И нам с ней обeim было стыдно этого знания и понимания. А я и не подозревала, что у нас во дворе так обострилась дружба народов...

– А Надя сильно огорчилась?

– Ну, она сразу мне сказала – ты оставайся, тебя же не прогоняют. Я сказала – не хочу. Тогда она развеселилась, и мы ещё с ней на каруселях покатались.

– Ну и правильно. Почему добрые и хорошие люди должны огорчаться из-за глупых и злых?

Подростут – поумнеют.

– Да? – недоверчиво взглянула на меня Светка. Ох, знакомый взгляд...

Поумнеют они, как же. Ведь это «фу» Настя из семьи принесла, не сама придумала...

*

Дети верят, что в мире всё разумно и логично. И всё неразумное пытаются объяснить. А когда начинают подмечать двусмысленность человеческих поступков – кончается детство потихоньку. И ты, взрослая, привыкаешь к этой двусмысленности, смиряешься с ней, подозреваешь её уже везде и во всём – даже там, где её нет и в помине. И уже не выглядишь таким же беззаботным и счастливым, как другие дети, «нормальные», то есть не настолько наблюдательные. И тебя уже не так балуют взрослые – они тебя стесняются, ты уже не дитя.

*

...А Света взрослым не очень-то доверяла всегда, вот уж кто умеет своей головой думать.

Как я помню этот Светкин недоверчивый взгляд искоса – огромных ярко-голубых ироничных не по возрасту глаз! Она и сейчас умеет так взглянуть. И так же – не спорить. Что толку с вами спорить.

– Ножкам холодно.

– А ты варежки надень – согреешься.

– Мама, не ручкам, а ножкам!

– Так у человека внутри – кровообращение! Кровь в ручках согреется, потечёт по сосудам к ножкам – и ножки согреются!

– Да? – с сомнением. И этот взгляд...

– Света, как ты думаешь, что больше, Луна или вон та звёздочка?

– Луна, конечно.

– А на самом деле звёздочка в тысячи раз больше. Просто она от нас очень далеко.

Взглянула косо на меня. Потом долго и скептически на эту звёздочку. И не смогла молчать. Холодно, тоном, не допускающим возражений:

– Луна – больше. Я точно знаю.

*

Впрочем, скоро во дворе всё наладилось, ксенофобия не прижилась – играть с Надей никто не отказывался. Бегала она быстро, мяч бросала хорошо, голос имела громкий и властный, смеялась заразительно всеми ямочками и локонами. И устоять против такой красоты мальчишки не могли, Надя стала своей.

И вот тут-то она стала обижать Свету – старалась это сделать при всех, на людях. То есть пока они вдвоём – всё хорошо, лучшие подружки. Впрочем, вдвоём-то они играли редко, у Светы музыка, Света любит читать книжки одна на балконе, рисовать... Когда они вдвоём – Наде интересно, но Света ведёт себя, как старшая. А тут, на улице, в шумной игре – тут Надя и ярче, и сильнее, и громче! И она норовила незаметно толкнуть Свету, дёрнуть прыгалку, чтобы та споткнулась, неправильно подсказать в игре... Света, конечно, очень скоро заметила эту перемену в подружке, сказала о ней мне.

– Ну что делать, значит, нельзя ей доверять. Просто будешь теперь с ней осторожнее. Не огорчайся, вот с Ваней и Гришей вы настоящие друзья. А Надя глупая просто ещё.

Хорошая была тогда у меня отговорка, чтобы утешить ребёнка, универсальная – если кто-то из детей ведёт себя невыносимо – так это он глупый ещё. Подрастёт.

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Нет. Я обещала ей, что не буду жаловаться. Я сама справлюсь, большая уже.

...Ну что тут скажешь?

Но Надя, почувствовав, что Светка отстранилась от неё в домашних играх, стала агрессивнее во дворе. Ей хотелось доминировать над кем-то, и эта беленькая спокойная зазнайка подходила лучше всех. Правда, однажды, когда Надя пыталась ей мешать в игре на площадке, Игорь ей сказал грозно:

– Не трогай Свету! – после этого Надя стала осторожнее. Она стала преследовать Светку, когда никто не видел. Светка мне не жаловалась – а как же, дворовый кодекс чести. Но однажды Надя уж сильно допекла – моя спокойная и жизнерадостная девочка пришла в слезах.

– Что? Надя? – сразу догадалась я.

Во мне возникло ощущение тупика. Я не памятью, а кожей и закипевшей кровью вспомнила тех, кто травил меня в детстве, с шестого класса по восьмой, ни за что – за то, что не похожа на них, что хоть и стараюсь не быть ярче – но на уроках говорю, не молчу, и говорю лучше...

– Что ты выделяешься? – так дословно звучала главная претензия ко мне моих одноклассниц... Другие претензии касались моих кос, моей походки, моих стихов...

И сколько бы я ни давала им списывать, сколько бы ни решала за них контрольные, рискуя не успеть решить свою – всё равно было мало, всё равно кому-то не подсказала на уроке – потому что стыдно наглеть перед учителем, а кому-то не ответила на записку на контрольной – потому что мне её не передали...

И однажды они пришли ко мне домой, завели за сарай и начали долгий грозный разговор – три отличницы и две хорошистки. Травили меня только девчонки, ребята в классе жили своей жизнью. И если бы не бабушка, которая вышла на порог и громко меня позвала – моя боевая инициация произошла бы раньше, в этой честной драке.

А так уже в восьмом окончательно потерявшие берега красотки в школьных мини-формах (моя форма была сантиметров на пятнадцать длиннее, и спорить об этом с мамой было бесполезно, и это тоже было поводом для травли) обступили меня и стали бросать в лицо что-то презрительное – а учителя это видели, но предательски делали вид, что ничего не замечают, как и три предыдущих года, – и тут я двинула кулаком в наглое смеющееся передо мной лицо Вальки Затулихи.

И – всё сразу стало хорошо, стало так, как надо! Лицо Вальки скривилось в слёзной мине, подружайки её обступили, Наталья Серая что-то злобно-угрожающее бросила мне в лицо – но уже звенел звонок, и моя подруга Ленка, которая всё видела (но боялась вступить), горячо мне говорила, что я совершенно права, и мальчишки смеялись над зарёванной Затулихой. А две её спутницы уже жаловались на меня учительнице русского – вот и вся-то их честь, я три года не жаловалась – но она что-то им спокойно сказала – и начался урок.

И меня оставили в покое, а после восьмого класса перестроили естественным образом, и этот кошмар закончился.

А теперь, значит, они же тиранят моего ребёнка?! И не в шестом классе – а в шесть лет, мою добрейшую Светку, которая играет Бетховена и Чайковского!

– Что она сделала, Светуля?

– Схватила меня за руку и тащила по улице. Я не могла вырваться, и кричать на всю улицу тоже ведь не могла. А она тащила и смеялась...

Я представила, что вот это делают – со мной. И вы – представьте, что это – с вами. И милицию звать бесполезно.

– А ты её ударь, – посоветовала я. Глаза Светкины изумлённо округлились.

– Ка-ак??

– Как получится. Один раз ударь, и она отстанет. Не бойся, она крупнее тебя, ничего с ней страшного не случится. Вот если только ещё раз опять будет себя так вести – просто стукни.

– Мам. Ну разве можно – всё-таки?!

– Ну хочешь, я маме её пожалуюсь? Но это ведь не поможет?

– Не поможет. Она и так её бьёт часто.

Это была правда, и я знала об этом.

Но слёзы на глазах у Светки уже высохли, и настроение улучшилось.

*

Когда Света ударила Надю – я увидела выражение нескрываемой, торжествующей радости на родной курносой мордашке, и сама испугалась так сразу возникшего во мне неприятия – это что-то совсем чужеродное, не светкино!... Мой чувствительный ребёнок сразу понял, растерялся – «ну ты же сама мне говорила...». Она ведь – победила! В неравном бою! (Надя крупнее и выше).

В эту минуту я опомнилась и сказала, что всё правильно. Больше Надя мою Свету не трогала.

...Света ударила Надю по носу. Надя плачет, бежит домой, Света торжествует. Было за что. Надя её столкнула с порога, вцепилась, не пускала и т.д. Всё равно жалко.

Но Светка теперь знает, что против тупой силы можно применять запретное оружие. И оно действует. И в её жизни не было – и уже не будет! – этих трёх лет ада, которые я проходила в шестом, седьмом и восьмом.

Ну не настолько пока хорош этот мир, чтобы быть в нём пацифистами... Но стремиться к этому стоит, кто бы спорил.

Надя тоже знает теперь... что? Что надо искать другую жертву? Что не надо доводить человека до отчаяния? О, она уже много знает о жизни, хоть и читает пока что только по слогам...

Да не надо о ней-то горевать, ей в нашем мире куда проще и спокойнее будет прожить, чем хрупким интровертам.

Подготовительные курсы на тему добра и зла...

Из музыкальной школы Света вернулась с сообщением:

– Мне задали Моцарта разбирать. А чтобы я лучше его поняла, сказали прочесть «Свадьбу Пифагора».

– А может быть, «Женитьбу Фигаро»?

– А, ну да!

Жизнь продолжается.